

«ПУТИНГ» В ДЕЙСТВИИ

УСИЛЕНИЕ РОЛИ ГОСУДАРСТВА В НЕФТЕГАЗОВОМ СЕКТОРЕ ИДЕТ ПОЛНЫМ ХОДОМ. ПРИ ЭТОМ У ЭКСПЕРТОВ СОЗДАЕТСЯ ВПЕЧАТЛЕНИЕ, ЧТО РОССИЙСКИЕ ВЛАСТИ ТАК И НЕ ОПРЕДЕЛИЛИ ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ ЭТОГО ОГОСУДАРСТВЛЕНИЯ. САМИ ЧИНОВНИКИ ВОВСЕ ОТРИЦАЮТ ТОТ ФАКТ, ЧТО ГОСУДАРСТВО СТРЕМИТСЯ КОНТРОЛИРОВАТЬ ТЭК. МЕЖДУ ТЕМ, ДОЛЯ ГОСКОМПАНИЙ В ДОБЫЧЕ НЕФТИ ВЫРОСЛА С ЧУТЬ БОЛЕЕ 10% В 2003 ГОДУ ДО 40% В ТЕКУЩЕМ. ОЛЬГА ВИНОГРАДОВА, «НЕФТЕГАЗОВАЯ ВЕРТИКАЛЬ», СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ „Ъ“

ЭФФЕКТ БЕЛКОВСКОГО Факт значительного присутствия государства в нефтяной отрасли сам по себе не несет положительного или отрицательного заряда; кардинальный вопрос состоит в эффективности управления деятельностью компании — как государственной, так и частной, и в том, кого или что на самом деле следует считать «национальным достоянием».

В любом случае перед принятием политического решения о ренационализации нефтяной отрасли анализа международного и национального опыта сделано не было, в то время как сравнение показателей эффективности производственной и финансовой деятельности частных и государственных российских компаний говорит не в пользу последних. Больше того, форма, в которой проводится огосударствление, «с легкой руки» президента Института национальной стратегии Станислава Белковского получившая название «путинг», вызывает сомнения в том, что решаемые им задачи служат интересам государства.

Россия одинока в мире, а нефть и газ — единственное «политическое оружие», которое может обеспечить ее национальную безопасность. Под таким неформальным лозунгом, считают независимые эксперты, уже около полутора лет идет огосударствление отрасли. Отправной точкой процесса считается дело ЮКОСа, когда власть осознала и наработала механизмы административного, мягко говоря, воздействия на участников рынка.

Властью был сделан вывод, что «послушными» могут быть только государственные компании. Именно они могут строить трубопроводы без всестороннего ТЭО, именно они могут перекрывать экспортные поставки, и только они могут участвовать в переделе собственности. И только они, накапливая фантастические долги, могут рассчитывать на «тепличные» условия развития,кратно меньше пополняя федеральный бюджет, нежели частные.

В результате «политическое оружие», считают независимые эксперты, пока срабатывает лишь против его поднявшего; дальнейшее огосударствление ведет к стагнации отрасли, уменьшению налогооблагаемой базы, полному краху малого и среднего бизнеса... А сам процесс огосударствления есть не что иное, как «фактически механизм обслуживания определенных частных интересов за счет государственных ресурсов...»

Причем даже пул экспертов распадается на два лагеря — государственников и критиков. Но говорить о таком разделении можно только условно и с большими оговорками. Другими словами, можно констатировать, что отрасль пребывает в неопределенности в отношении того, к чему рынок должен быть готовым, какие игроки останутся, какие новые правила появятся, какие направления политической и экономической мысли будут доминировать.

Единодушия нет даже в базовом вопросе, идет ли на самом деле сегодня процесс огосударствления ТЭК России. Часть экспертов уверена, что стадия, когда можно было обсуждать, будет ли происходить огосударствление нефтя-

ПРЕЗИДЕНТ ИНСТИТУТА НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ СТАНИСЛАВ БЕЛКОВСКИЙ, КОТОРОМУ ПРИПИСЫВАЮТ ИДЕЮ ОГОСУДАРСТВЛЕНИЯ ТЭКА, ИСТИННЫЕ ЦЕЛИ СВОЕЙ ПРОГРАММЫ ДЕРЖИТ В ТЕНИ

ной отрасли, уже пройдена: этот процесс не только активно осуществляется, но и почти заканчивается. Сегодня, после завершения аукционов по ЮКОСу, доля государственных компаний в добыче нефти выросла с чуть более 10% в 2003 году до 40% (вместе с региональными компаниями).

МЕРА ВЛАСТИ При очевидности стратегического направления на максимально полное вхождение государства в нефтяной сектор обсуждению подлежит лишь вопрос предела огосударствления. Например, отдавать ли под контроль госструктур такие компании, как «Сургутнефтегаз» и ТНК-ВР, и если да, то когда и в какой форме. Если этот вопрос и стоит, то решаться он будет не в министерствах или правительствах, а в кремлевских кабинетах, где ныне и принимаются основные решения.

По мнению ряда аналитиков, несмотря на то, что влияние и присутствие государства в отрасли будет постепенно усиливаться, окончательного слияния всех ныне действующих в ТЭКе структур в некую единую госкорпорацию не произойдет. Маловероятно, что в тех сферах, где решаются такие вопросы, есть намерение объединить «Газпром» и «Роснефть».

Крупные компании, акции которых торгуются на бирже, которые заметны в федеральном и мировом масштабе, такие как ЛУКОЙЛ, «Сургутнефтегаз», ТНК-ВР, скорее всего, сохранятся. Помимо иных соображений в их слиянии с госструктурами, как неоднократно звучало в выступлениях экспертов, и нет нужды, так как в процессе настоящего

контроля за деятельностью частных компаний государством сейчас продвинулась гораздо дальше, чем в процессе формального «огосударствления».

В то же время в Минпромэнерго считают, что если говорить о ТЭКе в целом, то в России происходит не огосударствление, а ровно противоположное — разгосударствление. Полным ходом идет процесс приватизации в электроэнергетике, в угольной отрасли. В газовой сфере предполагается к 2011 году провести внутреннюю либерализацию рынка, ожидаются изменения, связанные с доступом к экспортным газопроводам независимых производителей газа.

Процессы, происходящие в нефтяной области, в Минпромэнерго квалифицируют как «возвращение государства в отрасль». Причем это возвращение, по мнению чиновников, носит достаточно умеренный характер: фактически оно выразилось лишь в расширении зоны, контролируемой «Роснефтью», и в создании нефтяного крыла в «Газпроме». Суммарно эти две госструктуры контролируют только 40% добычи нефти, и на этом процесс можно считать завершенным: больше приобретать нечего. Прогнозы о грядущем поглощении ТНК-ВР, «Сургутнефтегаза» лишь домыслы, а признаки того, что эти активы действительно интересны «Роснефти» или «Газпрому», не просматриваются.

В поддержку концепции «разгосударствления» звучит и довольно оригинальное соображение, что на самом деле энергетические компании никогда не были менее госу-

дарственными, чем сейчас. В «Газпроме» появилось больше независимых акционеров, «Роснефть» перестала быть 100-процентной государственной компанией, а РАО «ЕЭС России» как раз сейчас находится в стадии активной приватизации.

Однако за четыре года доля государственных структур в добыче нефти выросла вчетверо — и это реальный факт, который сомнению не подлежит. Вопрос в том, как его трактовать? Так что спор фактически идет о том, является ли стакан наполовину пустым или наполовину полным. И потому аналитики предпочитают обсуждать принципиально более важный вопрос: может ли государственная компания быть столь же эффективной, как частная?

ГДЕ ДЕНЬГИ Постановка вопроса о предпочтительности той или иной формы собственности энергетической компании в отрыве от конкретных условий, от которых может зависеть ее эффективность, конечно, некорректна. В последнее время в мире действительно отмечаются признаки усиления роли национальных нефтегазовых компаний. По мнению ряда аналитиков, этот тренд базируется на том, что изначально неравномерное распределение углеводородных ресурсов с их максимальной сосредоточенностью в десятке стран стало особенно ярко выражено по мере вхождения мировой нефтегазовой индустрии в зрелую стадию и истощения ресурсов во многих регионах.

Россия, безусловно, занимает одно из ведущих мест в «золотой десятке» стран, благодатно одаренных геологической природой, и это порождает волну «государственного фундаментализма», некую очарованность государственным контролем над природным достоянием, обладающим мощным зарядом международного влияния. Однако прежде чем принимать политические решения по поводу огосударствления ТЭКа, необходимо провести сравнительный анализ той и другой модели.

Несмотря на преобладающее в мировом сообществе мнение, что частный бизнес более эффективен, мировой опыт предоставляет несколько примеров успешной деятельности государственных структур. В мировом энергетическом секторе к их числу обычно относят четыре национальные нефтегазовые компании — малайзийскую Petronas, бразильскую Petrobras, норвежскую Statoil, и Saudi Aramco (Саудовская Аравия).

Эти компании среди прочих нефтегазовых госкомпаний выделяются показателями, близкими к ведущим международным корпорациям, каждая из них обладает определенными технологическими достижениями, например глубоководные технологии бурения и добычи у Petrobras или добыча в условиях северных шельфов у Statoil.

Однако перечисление примеров успешных госструктур на этой четверке обычно заканчивается. Дальнейшее сопоставление эффективности моделей государственного и частного бизнеса в нефтегазовой отрасли практически невозможно из-за непрозрачной отчетности, присущей большинству национальных нефтегазовых компаний — факт, который само по себе говорит о том, что им есть что скрывать.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ «ГАЗПРОМ» ЕЖЕДНЕВНО ПЛАТИТ В БЮДЖЕТ 1 МЛРД РУБ. (О ЧЕМ НАПОМИНАЮТ ПО ТЕЛЕВИЗОРУ), А ЧАСТНЫЙ ЛУКОЙЛ, КОТОРЫЙ В ПЯТЬ РАЗ МЕНЬШЕ «ГАЗПРОМА», КАЖДЫЙ ДЕНЬ ПОПОЛНЯЕТ КАЗНУ НА 1,5 МЛРД РУБ. (О ЧЕМ, ЕСТЕСТВЕННО, ПО ТЕЛЕВИЗОРУ НЕ СООБЩАЮТ)

